

«Важно, чтобы было как можно меньше белых пятен...»

Уважаемый гость редакции - директор-организатор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (1992 – 2012), председатель правления Общества изучения русской усадьбы, доктор географических наук, профессор Юрий Александрович Веденин.

Лауреат премии имени Д.С. Лихачева за выдающийся вклад в сохранение культурного наследия России, в частности – её исторических ландшафтов. Автор более 300 научных работ по рекреационной географии, географии искусства, по теоретическим и прикладным вопросам охраны и использования культурного и природного наследия.

Ил. 1. Юрий Александрович Веденин

В беседе с нашим обозревателем, ведущим научным сотрудником Информкультуры РГБ Г.Ф. Онуфриенко гость редакции касается актуальных проблем исторических парков и садов, реставрации и реконструкции наследия; противоречий существующих между наследием и туризмом.

- Российское культурное наследие переживает сегодня сложное время – у него гораздо больше проблем, чем достижений: отсутствует реальная заинтересованность в его сбережении со стороны власть предержащих; не хватает денег на его достойное содержание; не разработана надлежащим образом процедура передачи его в частные руки с последующим жестким контролем за действиями нового владельца, что чревато потерей аутентичных памятников; реставрация памятников на потребу туризму порой заменяется их реконструкцией скоростными методами «евроремонта», в результате которой создаются реплики прежних строений, что автоматически исключает эти новоделы из разряда памятников...

Юрий Александрович, давайте начнём с темы, ставшей с некоторых пор одной из самых взрывоопасных – парков и садов. Яркий пример тому – напряженная ситуация вокруг Баболовского парка, объекта культурного наследия федерального значения, который собирались отдать под постройку гольф-деревни.

Решение турецких властей вырубить небольшой, напоминающий сквер, парк Гези в районе Таксим в Стамбуле и построить на его месте торгово-развлекательный комплекс стало поводом для массовых выступлений с требованием отставки правительства. Что происходит с историческими парками и садами? Какие здесь проблемы?

Ил. 2. Баболовский парк, г. Пушкин (Царское Село)

Баболовский парк — наиболее крупный из всех Царскосельских парков. История его возникновения связана с существовавшей здесь Баболовской мызой, подаренной Императрицей Екатериной II князю Потёмкину Таврическому. В 1780 году там был построен деревянный дом усадебного типа, а чуть позже разбит великолепный парк.

- Парки и сады – это, с одной стороны, очень распространённый вид культурного и природного наследия, с другой – пожалуй, наиболее ранимый объект, подверженный наиболее сильным воздействиям как со стороны человека, так и природы. Дело в том, что большинство людей воспринимает исторический парк, исторический сад, прежде всего, через растительность, то есть деревья, кустарники, а это как раз тот компонент, который изменяется чаще всего. И обычно люди не обращают внимания на то, что более устойчиво – на рельеф, водные устройства, планировку. В России большая часть наиболее интересных исторических парков – это усадебные парки. К 1917 году у нас насчитывалось по разным подсчётам от 40 до 50 тысяч (вместе с дворянскими и купеческими) усадеб. Усадьбы и усадебные парки – это совершенно особый феномен русской культуры.

Традиция устройства садов и парков при царских и дворянских усадьбах имеет давнюю историю. Письменные источники позволяют проследить эту традицию, начиная с XVII века, когда появились дворцовые сады в Измайлово и Коломенском, первые

аптекарские сады. Они были маленькими, регулярными, фруктово-овощными, окружёнными декоративными изгородями и украшенными павильонами. Старые усадебные сады и парки вплоть до конца XVIII века были построены на сочетании хозяйственных парков и декоративных функций.

У Тургенева в «Записках охотника» есть замечательный фрагмент, посвящённый усадебным паркам. О том, как он, будучи в Орловской губернии, проезжал мимо мест, где когда-то были старинные дворянские усадьбы с парками – фруктовыми садами, аллеи которых обсаживались липами. Казалось бы, всё ушло. Исчезли дома. Исчезли фруктовые деревья. И сохранились только липовые аллеи.

- Восстановление исторических парков и садов – задача сложная, трудоёмкая и дорогая. Есть ли у нашей страны достижения в этой области?

- Ситуация всюду очень разная. В одних случаях от старинного парка ничего почти не осталось и нужно думать о его воссоздании. Здесь, на мой взгляд, очень важно попытаться сохранить те элементы, которые остались от исчезнувших парков: характер рельефа, следы от бывшего здесь когда-то пруда или канала, казалось бы, случайную бровку или ров, руины или фундамент от прежних сооружений. И тогда это можно рассматривать, с одной стороны, как воссоздание парка, а с другой – мы зафиксируем те немногие подлинные элементы, которые сохранились до наших дней.

Вот один из примеров – Богородицк, творение Андрея Тимофеевича Болотова.

Когда-то, в конце XVIII века, это была экспериментальная площадка, на которой Болотов отрабатывал приёмы создания русских парков. Хотя русскими их можно было назвать весьма условно. Дело в том, что многое Болотов взял у немецкого паркостроителя, ландшафтного архитектора Хиршфельда.

Но в то же время Андрей Тимофеевич старался использовать и придуманные им новые для садово-паркового искусства подходы. Он использовал местные породы деревьев и кустарников, разработал оригинальную систему водоснабжения. В его парке были многочисленные пещеры, павильоны,

*Ил. 3. Бюст А.Т. Болотову в д. Дворяниново
Тульской области*

Болотов Андрей Тимофеевич (1738—1833) — писатель, мемуарист, философ-моралист, учёный, ботаник и лесовод, один из основателей агрономии и помологии в России.

Ил. 4. Кай Кристиан Лоренц Хиришфельд, профессор эстетики в университете города Кия. Он собрал и систематизировал накопившиеся к концу 1770-х годов исторические сведения о садах Европы и мира, а также многочисленные трактаты, написанные преимущественно французскими, британскими и немецкими теоретиками.

беседки, земляные сиделки. Особое внимание он уделял формированию пейзажей. Но всё исчезло. Ничего не осталось. Всё заросло, исчезли пруды, перестала течь вода, не стало беседок и пещер. Возникает вопрос: что делать с такими парками? В этом случае есть два приёма. Один – это попытаться восстановить то, что было при Болотове. Я к этому отношусь очень плохо. Мы не можем, не сумеем восстановить всё так, как было при нём. Это будет только наше представление о том, что здесь когда-то было. Конечно, сохранилось много его рисунков. И когда мы сравниваем болотовские акварели с тем, что дошло до наших дней, то понимаем, что кое-что было реализовано и что-то сохранилось. Можно определить места, где стояли беседка и павильон, где были пруды и где протекал ручей. Мы можем восстановить план старого парка. Но нужно ли всё это восстанавливать в натуре. Мы предложили иной путь возрождения парка. В первую очередь нужно усилить роль сохранившихся до наших дней подлинных элементов: подчеркнуть формы рельефа, убрать с бывших здесь когда-то полей выросшие деревья, восстановить дорожки, которые были раньше. Остальное же восстанавливать не нужно. Нам казалось, что нужно пойти по пути театрализации, через постановку специальных спектаклей. В это время парк становится театральной площадкой. Там, где были беседка или павильон, мы можем устанавливать декорации. Кстати, у Болотова большая часть парковых беседок и павильонов были построены из недолговечных материалов. Сейчас очень трудно восстанавливать бывшие здесь когда-то пруды. Для этого необходимо строить заново всю систему водоснабжения. Но можно показать место пруда, сделав декоративный партер из цветов. Иными словами попытаться включить эту историческую часть парка в сегодняшнюю жизнь. Но при этом, не создавая новоделов.

- В Европе широко практикуется реставрация исторических парков XVII века в их первоизданном виде. Интересно, как вы к этому относитесь?

- Я очень плохо к этому отношусь. Фактически это не реставрация, а реконструкция, потому что они по старым рисункам, иногда чертежам, иногда по наитию, делают макеты того, что было. При этом они очень часто перечёркивают жизнь парка в XVIII веке, в XIX

веке. Им это не интересно. В данном случае я разделяю мнение Дмитрия Сергеевича Лихачёва, который говорил, что можно восстановить парк XVIII века и он будет похож на тот парк, который был в XVIII веке, но это будет не подлинный парк, а его макет. А можно не восстанавливать, можно сохранить то, что дошло до нас. Мы можем усилить какие-то его особенности, что-то подчеркнуть. Но это будет подлинный парк, свидетель истории, он прожил долгую жизнь.

Для меня один из самых больных вопросов – это судьба Летнего сада. Я считаю, что Летний сад – это уже не объект наследия. Из него сделали макет, похожий на сад середины XVIII века. Это придуманные фонтаны, которые лишь частично повторяют то, что было. Это узкая аллея с площадками, где в нишах стоят копии скульптур. Да, так было в XVIII веке, но XIX век был уже иным. Его конец и начало XX века – это парк Ахматовой, парк Остроумовой-Лебедевой. Помните ахматовские строки: «Я к розам хочу в тот единственный сад, где лучшая в мире стоит из оград и статуи помнят меня молодой...» и так далее. Исторические сады – это, прежде всего, ассоциативные ландшафты. Они хранят в себе историю, связь с духовными ценностями. Поэтому необходимо очень бережно относиться к тому, что дошло до наших дней, пытаться сохранить все исторические пласты, в том числе и самый поздний слой. Можно показать, как это было в XVIII веке, на фрагменте или при помощи современных технологий, например, светотеатра.

Помимо подлинности, помимо целостности – а это два основных признака парка как объекта наследия – очень важны историческая репрезентативность и документальность. А сегодня наследие чаще всего воспринимается как туристский продукт. Оно должно быть привлекательным для туристов. Возьмём, например, Царицыно – люди приходят туда и радуются: как красиво, как светло, как замечательно, как всё чистенько, прямо таки напомажено. Но Дмитрий Сергеевич Лихачёв говорил, что памятник – это ещё и документ. Признак документальности чрезвычайно важен для определения истинной ценности памятника. В связи с этим возникает ещё один вопрос. Можем ли мы его правильно воспринимать, прочитывать те историко-культурные коды, которые в него заложены? Обычно, когда мы рассматриваем памятник как объект чисто декоративный, чисто художественный, хотя порой художественным его трудно назвать, иногда это скорее похоже на кич, как например, Царицыно, то документальность исчезает. Но для туристов часто патина времени является помехой, как свидетельство того, что памятник заброшен, за ним не следят.

- А какова ситуация с восстановлением российских парков?

- Восстановление парков вообще вещь очень сложная. Какие парки вошли в список Всемирного наследия? Те, за которыми был постоянный уход. Даже наши питерские сады и

парки, у которых были тяжелые периоды, сразу после революции, ну и конечно, во время войны, всё время поддерживались. Наша основная проблема заключается в том, что у нас почти все усадебные парки, за некоторым исключением, длительное время были заброшены, ими никто не занимался. И поэтому говорить о том, что к ним можно применить слово «реставрация», как мне кажется, невозможно. Можно говорить только о реконструкции. А когда мы произносим слово реконструкция, то исчезает само представление о наследии. Это уже не подлинное наследие. В этом вся сложность. Это проблема для всего российского наследия. У нас постоянно возникали такие периоды, когда наследие оставалось бесхозным, разрушалось и, в конце концов, большая часть памятников вообще исчезла.

Практически почти все провинциальные усадьбы до сих пор лежат в руинах. Поэтому мы не можем себя сравнить с Италией, с Англией, с Францией.

- Кстати, Италия довольно расточительно ведёт себя по отношению к собственному, в частности, природному наследию. О том, что оно нуждается в защите, свидетельствует хотя бы судьба уникального каррарского мрамора, материала, из которого великие скульпторы во главе с Микеланджело создавали свои шедевры. Некоторые утёсы Каррары уже перестали существовать. Их стирают в порошок, добывая по 5 миллионов тонн драгоценного камня (вместо 100 тысяч тонн в XX веке) в год. Мраморную пыль используют для производства отбеливающих зубных паст, мыла, стекла и бумаги.

- Идеала нет нигде. Память, наследие всюду страдают.

- Хотя в Англии, например, даже в период экономического кризиса активно ведётся поиск новых стратегий по сохранению культурного наследия, считающегося специалистами и обществом не роскошью, а насущной необходимостью.

- Потому что у них культ наследия в крови. В течение многих лет действует National Trust. И вообще сила традиции. Знаете, когда я говорю об исторических городах, то всегда вспоминаю, что помимо сохранения архитектурных памятников, пейзажей, даже ансамблей, очень важно ещё сохранять традиционную культурную жизнь в этих городах. Возьмите тот же Кембридж или Оксфорд. Там столетиями сохраняется функция университетского города с традиционным парадом выпускников, праздником в честь приёма новых студентов и т. д. И это очень важно. Те же пабы существуют многие столетия. Возьмите Прагу с её пиварнями, кофейнями, винарнями – местами, где в течение многих лет собирались люди. Местами, связанными с историческими, литературными личностями, как, например, Швейк. У нас этого нет, мы это утратили. У нас заканчивается определённый период и как бульдозером снимается весь предыдущий культурный слой. Всё начинается заново. Нет преемственности.

Я имею в виду не столько архитектуру, а культуру в целом, традиции, обычаи. Но одно без другого невозможно. Так не бывает, потому что вслед за изменением культурной среды, меняется и материальная часть культуры, в том числе и архитектура. Она реконструируется, перестраивается под новые функции. Например, когда у нас уничтожили монастыри, то их стали использовать под тюрьмы.

- Но много объектов наследия сохранилось в виде домов отдыха.

- Сохранилось. Вы абсолютно правы. Сразу после революции в очень многих усадьбах были организованы музеи. В 1920-е годы у нас насчитывалось огромное количество музеев. Потом они начали исчезать, поскольку было решено, что это пережиток прошлого. Тогда очень многие старые усадьбы стали использоваться как дома отдыха и санатории. И это было замечательно, потому что многие из них сохранились только благодаря этому. Но дальше возникла новая тенденция: наиболее сильные ведомства, а дома отдыха и санатории у нас были большей частью ведомственные, решили, что им не хватает помещения. Более того, старые здания не позволяют сделать отдых комфортным. Начались работы по строительству новых корпусов.

Например, в Клинском районе была замечательная [усадьба Волковых Высокое](#) с маленьким деревянным особнячком, отданная под дом отдыха. Затем там построили огромное здание, где разместилась основная часть этого учреждения. Старое оказалось в забвении, за ним перестали следить. И постройка через некоторое время рухнула. Но даже когда старое строение не исчезает, то усадебному ансамблю всё равно наносится непоправимый ущерб. В Монино – усадьбе Брюса, где сохранились прекрасные памятники середины XVIII века, возвели новые здания, которые фактически разрушили этот ансамбль. В усадьбе Митино около Торжка – творении замечательного русского архитектора Львова, долгое время сохранялись главный дом, флигеля, хозяйственные постройки, оригинальный «погреб-пирамида». Затем, рядом построили громадный корпус, и усадьба фактически исчезла. Таким образом, использование усадеб для целей отдыха позволило сохранить эти памятники, а затем привело к их уничтожению.

Очень тяжёлыми оказались для таких усадеб и 90-е годы прошлого века, когда многие ведомства стали отказываться от содержания домов отдыха, поскольку у них не было для этого средств. Усадьбы снова оказались бесхозными. В качестве примера можно привести [Павлищев бор в Калужской области](#) и [Высокое в Смоленской области](#). До 1990 года это были замечательные, очень хорошо сохранившиеся усадебные ансамбли. Сейчас это руины. За последние десятилетия они фактически исчезли с лица земли. Восстановить их уже невозможно.

- К 2020 году в России планируется открыть 11 новых заповедников, 18 национальных парков и один федеральный заказник. Как с ними обстоят дела?

- Процесс создания новых национальных парков и заповедников идёт очень медленно. Это очень сложный процесс. Ведь помимо территорий, относящихся к Гослесфонду, необходимо иметь в виду поселения и сельскохозяйственные земли. Возьмём, например, Архангельскую область, где находится один из наших лучших национальных парков – Кенозерский национальный парк. Там сохраняются не просто природные территории, а традиционный культурный ландшафт русского севера: деревни с окружающими полями, часовнями, обетными крестами, охотничьими избушками. Главная проблема для таких территорий – это процесс депопуляции. Оттуда уезжает население. А когда люди уезжают, то сразу же начинается деградация культурного ландшафта, исчезают поля и луга, бросаются дома, зарастают лесом дороги. Сельский культурный ландшафт может сохраняться только тогда, когда там ведётся традиционное хозяйство, когда там живут люди.

Сейчас очень модно говорить о том, что на место бывших сельских жителей приходят дачники и жизнь продолжается. И это на самом деле так. Горожане покупают дома, начинают в них жить. С одной стороны это хорошо, потому что позволяет сохранить деревни, не дать им полностью исчезнуть с лица земли. Я недавно был в Костромской области, в деревне Медведево. Там довольно много дачников, причём это, главным образом, представители науки, люди искусства. Они стараются сохранить традиционные дома, не строят коттеджи. Это всё очень хорошо. Но поля, которые там были, зарастают лесом и сам традиционный сельский ландшафт, который является, по моему мнению, одним из высших достижений культурного наследия России, исчезает. Так же как усадьбы.

Хотелось бы сказать несколько слов по поводу заповедников и национальных парков. Я не убеждён, что нам нужно создавать сейчас новые заповедники, особенно в европейской части России. Ведь там, как правило, нет девственной природы. Все эти ландшафты когда-то использовались человеком. Там жили люди, они охотились, собирали грибы-ягоды, строили дома. Поэтому мы в какой-то мере себя обманываем, когда начинаем резервировать эти территории, запрещаем там все виды деятельности. Ландшафт никогда не вернётся в то первозданное состояние, в котором он изначально был.

А вот попытаться сохранить эту территорию как культурный ландшафт – это вполне реальная задача. Я считаю, что надо создавать новые национальные парки. Ибо национальные парки связаны с деятельностью человека. Там могут жить люди, заниматься хозяйством. Где-то будет распахиваться земля, будут сохраняться открытые пространства.

Там даже можно воссоздавать традиционные деревни по старым чертежам. Это ведь не памятники архитектуры, следовательно, можно пойти на некоторую стилизацию. Поэтому я целиком за то, чтобы эти 18 национальных парков были.

Как с ними сейчас обстоят дела, сказать не могу. Вы ведь знаете, что у нас культура и природа разделены ведомствами. В министерстве культуры управляют музеями-заповедниками, в министерстве природных ресурсов национальными парками и заповедниками. Процесс создания новых парков идёт медленно. Как правило, ведомства сопротивляются, а общественность борется за то, чтобы парки были. Кто победит, не знаю.

- С некоторым опозданием, но всё же влияние международной практики сказывается на российских реалиях. После того, как во Мневниковской пойме в Москве не состоялся Парк чудес, который обещал построить Зураб Церетели, там планируется создать несколько тематических парков (сафари-парк, этнодеревню, гольф-поля и т. д.). В Подмосковье обещают создать тематический парк «Россия в миниатюре» с достопримечательностями всех регионов страны в уменьшенном размере. Планируется парк на месте бывшей гостиницы Россия. Ваше отношение к тематическим паркам? Как вы считаете, какого рода парков не хватает столице?

- Москва – город большой, людям нужно где-то отдыхать, проводить свой досуг, заниматься спортом. Но смотря где и как, как это вписывается в городское пространство, в историческую застройку. Я, например, большой сторонник того, чтобы в крупных городах создавался такой своеобразный культурно-экологический каркас. Например, у нас в Москве есть система бульваров: кольцевых, радиальных. Есть Москва река, есть Яуза. Вдоль этих рек можно формировать систему парков, озеленённых набережных, аквапарков.

Каким будет парк на месте бывшей гостиницы Россия? Есть разные варианты. Это должен быть совершенно особым парком, а не просто парком отдыха и не Диснейлендом. Он расположен рядом с Кремлём, в самом центре столицы. Скорее всего, это будет парк презентационный, праздничный, торжественный. Хотя были предложения, чтобы он частично повторил планировку старого Зарядья, которое там было раньше. Вообще-то сохранить память об этом старейшем районе Москвы было бы очень неплохо. Но конечно не путём восстановления Зарядья, где была масса исторических объектов. Это было бы безумием.

- Интересно услышать ваше мнение о строительстве в Подмосковье парка чудес «Россия в миниатюре».

- Основной вопрос в том, как и где это сделать? Чтобы не возникла пародия на историю. Я большой противник создания такого рода макетов на исторических территориях,

в национальных парках или в музеях-заповедниках, что, к сожалению, бывает. А вот в новых районах Москвы это будет уместно. Жителям там не хватает истории, не хватает привлекательных территорий, куда бы приезжали люди, смотрели.

Вообще это проблема очень важная: взаимоотношение старой и новой Москвы. Мы говорим о сохранении наследия в старой Москве. И его там много. Но почти никто не говорит о необходимости сохранения культурного и природного наследия в периферийных районах столицы, хотя и там есть усадьбы, церкви, парки, исторические леса, ручьи и речки и т. д. Между тем историческая память в этих местах уничтожается буквально на наших глазах. Например, Беляево – там был овраг, который тянулся от метро в сторону Битцевского лесопарка и в сторону Тропарёво, старые сады. Овраги засыпали, сады уничтожили. А ведь одна из важнейших предметов охраны в историческом городе – это рельеф. Малые реки тоже являются объектами наследия. А мы их забираем в трубы. Мы не умеем использовать те замечательные особенности исторической среды, которые могут придавать каждой территории уникальные черты. Мы, как правило, всегда опаздываем. Дай бог, чтобы в Новой Москве не повторилось то же самое. Потому что туда вошла масса природных ландшафтов, которые, боюсь, будут застраиваться. Причём часто мы пытаемся сберечь лес и абсолютно не заботимся о защите открытых пространств (сельские поля). А ведь прелесть культурного ландшафта заключается в соотношении между закрытыми и открытыми пространствами. Через последние мы воспринимаем пейзажи и ландшафты. Для нас же это площадка для застройки. В Ясеневе был замечательный ландшафт. Мы застроили там все открытые пространства, тем самым фактически уничтожили очень выразительный рельеф. Хотя можно было его сохранить. Вероятно, там не надо было вести такую многоэтажную застройку, не в таком месте. Через рельеф, через водные поверхности можно было придать этому микрорайону особую выразительность. Он был бы не похож на другие. А сейчас Ясенево ничем не отличается от таких же микрорайонов на севере, юге и западе Москвы.

- Юрий Александрович, хотелось бы теперь от проблем парков перейти к вопросам реставрации и реконструкции наследия. С одной стороны, культурное наследие представляет собой объект охраны, своего рода сакрум, оторванный от реальной жизни, а с другой – ресурс, представляющий собой значительный потенциал развития. Таким образом, современная охрана наследия должна, по сути, означать грамотное управление потенциалом наследия и постоянный поиск компромисса между необходимостью сохранения исторической субстанции и неизбежными изменениями в её среде. Чтобы памятник жил, его надо интегрировать в пространство современной культуры, в социальную и экономическую жизнь?

- Я считаю, что да.

- В России же более освоена проблематика, связанная с сохранением памятников, тогда как вопросы их использования пока остаются значительно менее разработанными. В Европе ревитализация культурного и исторического наследия и введения его в экономический оборот осуществляется путём: приватизации памятников с наложением обременения на частных собственников (например, из общего числа памятников архитектуры во Франции половина является частной собственностью, 43% принадлежат органам местного самоуправления и только 4% являются собственностью французского государства); девелопмента объектов наследия; развития культурного и познавательного туризма и создания на базе объектов наследия туристических продуктов; продажи «ауры» исторического и культурного наследия, когда привлекательность исторических городов и отдельных исторических районов используется для увеличения стоимости новой недвижимости. Следует ли нам брать на вооружение европейский опыт?

- Это вопрос не простой. Есть пять основных признаков культурного наследия: подлинность, целостность, историческая репрезентативность, документальность и актуальность. То есть наследие, невостребованное современным обществом, современной культурой, потихоньку умирает и, к сожалению, его очень трудно сохранить. Но возникает некий парадокс. Современная культура часто бывает очень агрессивна. И она подминает памятник под себя. Для меня яркий пример этого – [Царицыно](#), когда на месте старого руинированного дворца и исторического парка создали новодел, который фактически перестал быть объектом наследия, превратившись в некий такой кич. Зато Царицыно стало одним из важнейших культурных центров Москвы. Там ежегодно бывает около 7 миллионов людей. Около 700 тысяч посещают дворец. Но дворец-то уже фактически не является памятником. Там ничего подлинного нет.

На мой взгляд, в Царицыно проведена не реставрация, а реконструкция. Причём сделано это настолько плохо, что совершенно убило сам памятник. Он стал казённым, жёстким, неприятным. Но публику он привлекает. Кстати, когда вы идёте от метро, то вас встречают новые сооружения: административное здание, касса, ворота, построенные в стиле неоготики и повторяющие архитектуру дворца. Тогда зачем идти во дворец, когда его «аналог» можно посмотреть уже здесь? Далее вы идёте через абсолютно новую аллею, которая пересекает пруды. Там устроена система фонтанов в стиле ВДНХ, что совершенно противоречит духу дворца. Зигзагообразные чёрно-белые каменные дорожки перед парадным фасадом дворца своим резким рисунком забивают его архитектуру, в то время как всё должно работать на дворец. Вы идёте в парк, там проложены современные дороги с

очень жёсткими границами, которые противоречат пластике рельефа. В данном случае актуализация Царицына фактически уничтожила старый дворцовый ансамбль.

- Как аутентичность соединить с реставрацией и модернизацией? По какому пути идти? Законсервировать подлинный фрагмент и всё? В Англии, например, распространён метод консервации исторических руин с последующей экспозицией их на фоне зелёных газонов.

- Всё зависит от того, в каком состоянии находится памятник. Тут могут быть совершенно разные варианты. У нас большая часть памятников, к сожалению, руинирована. На мой взгляд, в некоторых случаях эти руины должны сохраняться. Вот, например, в Новгороде на Рюриковом Городище сохраняются руины церкви. И я считаю, что её восстанавливать не надо. Пусть будет руина. Потому что, когда проходишь мимо неё, ощущаешь дыхание веков. История дышит. Чувствуешь её ауру. А если мы восстановим это, то получим новодел, созданный по подобию того, что было. И впечатление от него будет уже совсем другое. Поэтому, я думаю, здесь не может быть какого-то общего правила, в каждом конкретном случае надо принимать своё решение.

Где-то, предположим, мы хотим это здание включить в современную жизнь, чтобы оно существовало и использовалось. А от него, допустим, сохранилась только часть. Мы можем восстановить объект, оставив, показав и обыграв его подлинный фрагмент. Можем сделать это здание по подобию того, что было. Можем по габаритам, по размерам повторить прежнее строение, а по форме это будет абсолютно современная новая архитектура, которая включает в себя и старую подлинную часть. Такой вариант тоже вполне возможен.

- Острой и актуальной темой является сегодня приватизация объектов культурного наследия.

- Теоретически я большой сторонник приватизации памятников. Сейчас масса усадеб, например, не имеют реального хозяина. Или они входят в баланс какого-то учреждения, но на самом деле ему эти здания не нужны. Это учреждение не может их ни восстановить, ни использовать. Когда начали думать о том, что нужно организовать приватизацию памятников, оказалось, что найти для них хозяев очень трудно. Даже все эти разрекламированные программы, когда памятник сдаётся «в аренду за рубль», тоже пока идут туго. Во-первых, потому что никто не верит государству (неизвестно, вдруг, когда мы восстановим памятник, то нас всё равно заставят платить аренду). Во-вторых, потому что в частную собственность памятники практически почти не дают (в основном предоставляют в аренду на 49 лет).

- Приватизировав памятник, собственник принимает на себя обязательства по сохранению, использованию и популяризации (обеспечению доступа населения) объекта культурного наследия. В Латвии, к примеру, владельцы памятников культуры называют главным обременением для себя: ограничение хозяйственной деятельности; ограничение возможности модернизировать свою собственность; ограничение свободы принятия решений о своей собственности; ограничения, которые связаны с высоким уровнем бюрократии, коррупции и другими негативными явлениями. И как следствие всех вышеназванных причин – ограниченные возможности для получения доходов от своей собственности, более низкая рентабельность собственности. Теоретически это бремя компенсируется освобождением от уплаты налога на недвижимое имущество, которое не используется в хозяйственных целях, и ассигнованиями из государственного бюджета на финансирование особых мероприятий, связанных с охраной культурного памятника. Однако почти все владельцы признают, что льготы незначительны и финансовый эквивалент освобождения от налога и грант не покрывают расходов, которые возникают из-за того, что собственность имеет статус памятника культуры. Факты говорят о том, что у людей появился интерес к сохранению культурного наследия, но ощущается отсутствие необходимой поддержки государственных органов и органов самоуправления. А как с этим обстоят дела у нас?

- Жизнь показывает, что те, кто получает в аренду памятник, с ним очень часто не справляется. Пример – белый домик в Никольском-Урюпино, который взял вначале Брынцалов. Потом у него пришлось его отобрать. Сейчас строение находится в ужасном состоянии. Дерипаска захотел взять Ольгово под Москвой. Ничего не получилось. Оно как было в руинах, так и остаётся. По поводу каких-то усадеб спорят хозяйствующие субъекты, не могут поделить. Что-то так и остаётся бесхозным. Те, кто приходят в качестве потенциального хозяина, очень часто переоценивают свои силы. Я могу по пальцам одной руки сосчитать удачные, на мой взгляд, варианты. Это, например, Середниково – усадьба, связанная с жизнью великого поэта Лермонтова, которую взял в аренду Михаил Юрьевич Лермонтов, его дальний потомок и полный тёзка. Он достаточно богатый человек, руководивший ранее какой-то коммерческой организацией, а ныне возглавляющий ассоциацию «Лермонтовское наследие». Ему фактически удалось восстановить усадьбу, и он продолжает это делать, что весьма непросто. Если вы туда поедете, то увидите, что дом и парк в очень хорошем состоянии, но, конечно, ещё многое осталось сделать. Затем Знаменское-Раёк около Торжка в Тверской области. Там Строительно-инвестиционная компания «Конкор» под руководством Кононова Вячеслава Михайловича взяла усадьбу и

пытается её восстанавливать. Пока им удалось восстановить один из корпусов, небольшой флигелёк. Проведены консервационные работы в главном доме.

Есть удачные варианты приватизации некоторых объектов в Москве. То есть без этого обойтись невозможно, государство само не справится. Но вот в чём проблема: для московских и питерских объектов наследия так или иначе находятся пользователи и владельцы. Чего нельзя сказать о провинции, о маленьких районных городах, где много замечательных памятников находится в трагическом состоянии. Превращённые в коммуналки, они пришли в упадок, потому что их обитатели не заинтересованы в сохранении памятника, жизнь в котором очень тяжела. Ещё хуже обстоят дела с усадебными памятниками. И для меня абсолютно ясно, что у государства руки не дойдут до этих объектов. Единственный выход – это если всё-таки туда придёт частный капитал. Возможно, частно-государственное партнёрство, однако пока это у нас идёт очень плохо.

- Но какие-то шаги государство предпринимает?

- На мой взгляд, оно пока их не делает. Государство боится использовать даже такой механизм, как освобождение от налогов.

- Юрий Александрович, хотелось бы ещё задать вопрос о противоречиях, существующих между наследием и туризмом.

- Противоречия есть. Как известно, наследие без туризма жить не может. Так вот мы очень часто стремимся идти навстречу туристам, навстречу их вкусам. Мы стараемся «напомадить» памятник, чтобы он выглядел как праздничный торт: был чистеньким, аккуратненьким. Патину времени мы всю стёрли, её нет как таковой. На мой взгляд, это отсутствие некой культуры – нам следует не потакать вкусу туристов, а пытаться его формировать в нужном русле. Воспитывать умение осознавать объект наследия. Я считаю, что здесь очень важны две вещи: во-первых, необходимо сохранить те фрагменты наследия, в которых заложен определённый историко-культурный код. Это связано с подлинностью, которая представляет различные пласты истории. А во-вторых, не менее важно научить туриста уметь это читать.

У нас сейчас поставлена задача: увеличить поток посетителей объектов наследия. Чтобы зимой и летом, весной и осенью там были люди, главное, чтобы их было больше. На мой же взгляд, самое главное, чтобы люди могли лучше узнать этот объект, прочесть его историко-культурные коды. Ведь каждый памятник обязательно содержит в себе духовную, нематериальную часть. Важно то, какие у человека останутся впечатления, захочет ли он там побывать снова... Чтобы это было не для галочки: побывал-уехал-забыл. К сожалению, большая часть посетителей такова. Это трудная проблема.

- Юрий Александрович, в заключение вы хотели поднять ещё одну важную тему...

- Да. Это тема личности: «Личность и наследие». Недавно я совершил вместе со своими коллегами географами очень своеобразное путешествие – Москва-Петербург, по следам Радищева 222 года спустя. Задача моих спутников заключалась в том, чтобы посмотреть, что изменилось за это время на данной территории. А мне интересно было, какое наследие сохранилось в этих местах. При этом не только материальные памятники, но и память о людях, которые здесь когда-то жили, работали, создавали культурные ценности.

Был такой замечательный человек **Николай Александрович Львов** – просветитель, художник, архитектор, инженер, фольклорист, живший в конце XVIII века. Он жил в Петербурге, а усадьба его была в Тверской области: Никольское-Черенчицы под Торжком. Будучи человеком отзывчивым, он построил для своих многочисленных родственников массу новых домов, дворцов, церквей, мостов. И вот я приехал в Торжок, потом был в Валдае, потом поехал в его усадьбу и всюду находил следы деятельности Николая Александровича. У него была совершенно замечательная усадьба с мавзолеем, погребом-пирамидой, кузницей в виде моста из валунов... К

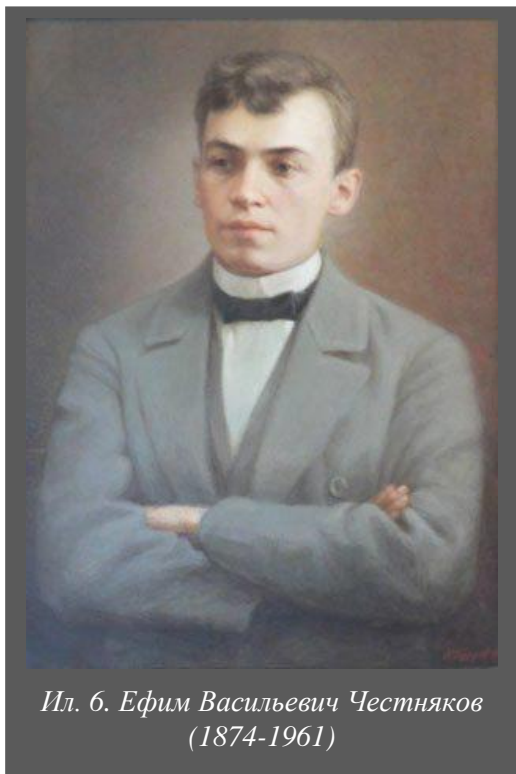

*Ил. 5. Николай Александрович Львов
(1751-1803)*

чему я об этом говорю? Мы иногда забываем своих великих людей. У нас имеется накатанное число личностей, которых мы всё время раскручиваем. Но есть люди, к сожалению, забытые. Вот Николай Александрович Львов, я считаю, человек совершенно исключительный по таланту, по способностям. Человек, связанный с другими замечательными людьми. Они трое – Львов, Державин и Капнист – были женаты на трёх сёстрах Дьяковых, то есть состояли друг с другом в родстве. Недалеко, под Новгородом, рядом с Чудово находилась усадьба Державина Званка. Естественным образом выстраивается цепочка: Москва – Никольское-Черенчицы – Званка – Петербург. Каждый раз, бывая в Тверской области, я задаю вопрос, почему они так мало популяризируют личность Львова. Ведь если говорить о Николае Александровиче, то нужно думать об организации его музея-заповедника. Торжок, Валдай, Никольское позволяют это сделать.

То есть сохранять и восстанавливать памятники следует, принимая во внимание не только их самоценность, но также тех людей, которые с ними связаны. Кончанское – это не бог весть какая усадьба, но поскольку там был Суворов, её восстановили. Правда, там

создали новодел, однако зато появился новый культурный центр. Рядом Языково-Рождественское, где родился Миклухо-Маклай. Оно оказалось в небытии. А ведь человек был тоже весьма интересный. Вот так поднимая людей, мы тем самым вызываем к жизни из мёртвой зоны забытые уголки страны.

*Ил. 6. Ефим Васильевич Честняков
(1874-1961)*

Есть у меня второй любимый герой – **Ефим Честняков**. Это художник, который жил около Кологрива, в молодости учился в Петербурге у Репина, потом очень рано, ещё до революции, вернулся в родную деревню и прожил там до 80 лет. Его замечательные картины открыли сравнительно недавно. В этом огромную роль сыграли Савелий Ямщиков и местные костромские музейщики и искусствоведы. Честняков создал сказочный, необычный мир. В его произведениях соединились профессионализм и крестьянская культура. Причём это не наивный художник. Сейчас его работы экспонируются в костромском музее и в Кологриве. Там воссоздали домик, где он жил. Так вот, если мы будем больше рассказывать об этом самобытном

живописцу, говорить о Честнякове как о личности национального и мирового масштаба, которой может гордиться Россия, мы будем поднимать значение и связанных с ним мест. Туда приедут люди, будут смотреть. И эти места будут восстанавливаться, будут сохраняться.

Таких людей много, как и таких мест. Некоторые имеют общероссийское значение, некоторые – республиканское, а многие – локальное, городское. Например, когда я с коллегами был в городе Старице (мы приехали туда открывать почётную доску по поводу столетия со дня выпуска там первого номера журнала «Тверская старина»), то с удивлением узнал, как много интересных людей проживало в нём. А ведь об этом можно очень просто рассказывать, установив на домах элементарные досточки с информацией о том, что здесь жил такой-то, он прославился тем-то и тем-то. Во-первых, это очень важно для людей, которые там живут. Во-вторых, для приезжих город становится сразу не просто скоплением безликих домов, иногда интересных, иногда не очень. А превращается в место, скажем так, почти мемориальное. Становится ассоциативным ландшафтом. Мне кажется, что это чрезвычайно важно для сохранения наследия.

Приведу в пример Бежин луг. Подумаешь, какой-то лужок, которых много. Никто бы не обратил на него внимание. Но когда знаешь, что это место называется Бежин луг, что о нём написан одноимённый рассказ великого русского писателя И.С. Тургенева, то оно сразу становится значимым. *Так вот для меня очень важно, чтобы было как можно меньше белых пятен на территории нашей страны.* Чем больше будет персонифицированных мест и меньше безликих, тем лучше будет человеку и его наследию. Мне кажется, что это очень важно.

- Спасибо за интервью.

Сведения об использованных иллюстрациях:

Иллюстрация содержания. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.heritage-institute.ru/index.php> (дата обращения: 18.03.2014).

Ил. 1. Юрий Александрович Веденин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.archi.ru/events/1980/zasedanie-obschestva-izucheniya-russkoi-usadby-oiru-26-01-2009> (дата обращения: 18.03.2014).

Ил. 2. Баболовский парк, г. Пушкин (Царское Село) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.votpusk.ru/country/dostoprим_info.asp?ID=10521 (дата обращения: 18.03.2014).

Ил. 3. Бюст А.Т. Болотову в д. Дворяниново Тульской области. Фотография А. Козловой.

Ил. 4. Кай Кристиан Лоренц Хиршфельд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://de.academic.ru/dic.nsf/dewiki/258354> (дата обращения: 18.03.2014).

Ил. 5. Николай Александрович Львов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.leonidzl.com> (дата обращения: 25.03.2014).

Ил. 6. Ефим Васильевич Честняков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://old-yp.amr-museum.ru> (дата обращения: 25.03.2014).

Источник: *Культура в современном мире. — 2014. — № 1. — [Электронный ресурс]. —*
Режим доступа: URL: <http://infoculture.rsl.ru>